

*И.В. Лисюченко***Наследование власти у восточных славян
в былинном сюжете «Илья и Сокольник»**

Ключевые слова: раннее восточнославянское государство, бой отца с сыном, мужской союз, экзогамия, брачный обмен, боги Велес и Перун, Илья Муромец.

Key words: early state of east slavs, fight of father with a son, masculine union, ekzogamiya, marriage exchange, gods Veles and Perun, Ilya of Murom.

Ранее мы рассмотрели двойственную систему власти у русов, описанную у арабского путешественника Ахмеда Ибн-Фадлана, при которой существовали два правителя – священный и реальный. Они были сопоставлены нами с былинными персонажами – Владимиром Красное Солнышко и главой русских эпических богатырей Ильей Муромцем. Под последними следует, видимо, понимать особый мужской союз, связанный в ритуале и мифе с Нижним Миром как миром вулканического огня. Как правило, былины сообщают нам о том, что то должностное лицо, известное у восточных авторов как «заместитель» священного владыки, получало волшебное могущество, дававшее право на власть, пройдя соответствующий обряд посвящения, в том числе и у Святогора, в истоках образа – одушевленной и обожествленной горы [1]. Но тот же русский эпос, видимо, сохранил воспоминания и об путях наследования власти, отразившихся в русских вариантах сюжета «бой отца с сыном (или с дочерью)», связанный здесь как раз с именем Ильи.

Данный сюжет у восточных славян свидетельствует о времени, переходном от материнского к отцовскому роду, когда мужчина уже не остается в роду жены, но вынужден оставить там детей, которых не знает и потому может убить по неведению [2, с. 610], узнавая их разве что по неким знакам, например, по перстню (родовому), как Илья. Подобный мотив известен в сборниках С.И. Гуляева [3, с. 80], А.В. Маркова [4, №4] и у М.С. Крюковой [5, №63]. Отношения Ильи с матерью Сокольника завязываются после их поединка и победы над ней русского богатыря. После они никогда не встречаются, и те былины, где это всё-таки происходит, являются, видимо, вторичными. Почему же, как правило, отношения Ильи к своему сыну (дочери) крайне враждебны? Почему певцы, как правило, не пели о счастливом конце, почему сын Ильи, уже узнав отца, как правило, вновь стремится его убить, порой предварительно за что-то убивая мать? Такое построение сюжета, в частности, мы видим в сборниках А.Д. Григорьева [6, №2, 5, 26] и в былинах Мезени и Печоры [7, №2, 11, 20, 87]. Существуют, конечно, старины и с благополучным исходом, но их

мало, они давно вызывали подозрение как поздние [8, с. 324]. Легче всего, разумеется, объяснить поведение Сокольника гневом на родителей за свое незаконное происхождение, что вызывало укоры людей. В одной из онежских старин Сокольник прямо объясняет отцу своё поведение тем, что он не мог терпеть славу заугольника [9, №4]. Но перед нами – восприятие сюжета обществом с развитыми чертами эпохи отцовского рода, поэтому здесь явное переосмысление каких-то более древних мотивировок. Последнее не отрицает тезис о том, что носители традиции XIX–XX вв., по крайней мере часть из них, понимали данный сюжет уже только так.

Постараться приоткрыть более древнее значение можно только в том случае, если удастся понять, кем же был Сокольник и его мать (или дочь Ильи). Зачем же он едет на Русь? Дочь Ильи с неясной целью посылает мать, предварительно дав ей доброго богатырского коня [10, №77]. Бой Ильи с сыном следует рассмотреть исходя из декларируемых Сокольником целей. Последний жаждет власти над Киевом. Субстратом для таких действий Сокольника послужили обычаи, связанные с «мотивом Мала», сватавшегося к вдове убитого им же князя Игоря Ольге. В таких обществах реально управлял уже мужчина, но на власть он имел право только как муж княгини [11, стб. 55].

Оставим пока восточных славян и обратимся к рассказу о Ростеме и Сохрабе. С.П. Толстов полагал, что перед нами – образец матрилинейного наследования власти во фратрии. Но как раз здесь достаточно четко показано, что молодой лидер стремится к власти в стране (первоначально, разумеется, роде) отца, что бы не говорили позднее Фирдоуси или его источники. Яснее, чем в русском эпосе, здесь показано, что речь, собственно говоря, должна идти о двух экзогамных враждебных странах (ранее родах), происходящих от общего предка, – Иране и Туране. К последнему тезису фактически склонялся тот же С.П. Толстов [12, с. 293–295]. Златыгорка, мать Сокольника, в былинах обрисована слишком бледно, чтобы распространять на восточных славян данное наблюдение, но и отбрасывать его с порога также нельзя. Это не обязательно некое неславянское племя Восточной или Центральной Европы. Вполне возможно, речь идёт о другой славянской этнической общности. Датировать же сюжет «бой отца с сыном» у восточных славян, таким образом, также следует датировать временем до второй половины X в. До того фактический правитель

Руси, известный русскому эпосу как Илья Муромец, мог получать власть не только путем прохождения соответствующих инициационных обрядов, но и победив своего отца-предшественника в ритуальном поединке. До того молодой претендент с матерью жил в её обществе, связанном с Киевом обрядовыми же отношениями вражды – брачного обмена.

Но постараемся глубже проникнуть в образ Сокольника (дочери Ильи). Это нам поможет понять и некоторые черты в образе и самого Ильи. Дело в том, что его сын или дочь – владыки зверей, те им повинуются. В «свиту» сына или дочери Ильи, врага Руси, а также Тугарина, входят, как известно, не только псы и кречет, но и «черны куны»: *Да и едет Тугарин да забавляюще; /Впереди-то бежат да два серых волка, /Два серых-то волка да два как выжелока; /Позади-то летят да два черных ворона* [13, №38]. В былине М.С. Крюковой о Сокольнике соколы, кречет и куницы спокойно сидят около белого шатра этого богатыря, ожидая своего хозяина [14, №10]. Понятно, что «черных кун», впрочем, как и соболей, нельзя воспринимать как охотничьих животных. Это и не искажение повествования «Тидрек-саги». В последней, как известно, отец встречается с сыном, который едет охотиться с двумя выжлецами и двумя соколами [15, р. 344], но не с куницами или соболями. Сравнение же Сокольника со зверем весьма симптоматично, обличая в герое именно хозяина зверей изначально с перемежающимся (то человеческим, то звериным) обликом, как у древнего тотема. Порой он обвешан шкурами зверей, воплощающих изобилие в представлениях охотничьего общества, подобно идеальному жениху девых виноградий Северной Руси [16, №55, 220].

Появление же здесь воробья может вызвать удивление. Но в связи с глухими свидетельствами о культе этой птицы у восточных славян, о чем писала еще Е.А. Рыдзевская [17, с. 202], упоминание её также вполне закономерно. То, что Сокольник действует магическим оружием Соловья-разбойника, также не удивительно, ибо последний также связан с Велесом. Соловей обычно кричит по-соловьиному, шипит по-змеиному и ревет по-звериному. По предположению Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова, даже само имя Соловья является анаграммой имени Велеса. Последняя гипотеза только на первый взгляд кажется слишком смелой, ибо Соловей и Велес имеют немало общих черт [18, с. 460]. Решающим аргументом в пользу нашего мнения о связи власти лидера с атрибутами свистящего Змея является свидетельство «Моления» Даниила Заточника. «Яко же бо змии страшен свистанием своимъ, – читаем, к примеру, в Чудовском списке данного памятника, – тако и ты, княже наш, грозень множеством вои». Примерно то же мы видим и в списке В.М. Ундольского. В первой переделке «Моления» читаем близкий текст: «Змии страшен свистанием, а ты множеством силы своя» [19, с.

66, 90]. Итак, самое ужасное оружие змея, согласно данному источнику, – чудовищный свист, причем он сравнивается именно с князем, что на фоне иных свидетельств о связи княжеской власти с Велесом вполне закономерно. Интересно, что данное сравнение считалось почетным даже для князя XII–XIII вв. Здесь автор и редакторы источника ближе к автору «Слова о полку Игореве», чем к авторам и редакторам наиболее древних летописей, никогда не допускавших ничего подобного. Так же происходит и ритуальный поединок сначала Добрыни и племянника Ильи Кузмы Семерцянинова, а потом – последнего и самого Ильи. Добрыня в этой старине сообщает следующее: *И настиг я его у реки у Смородины, /И загаркал-то я по-звериному, /И засвистал-то я по-соловьиному. /Под ним конь не шарашитя, /И сам ен на коне не оглянетя. /Оглянулся удалый добрый молодец, /Загаркал-то ен по-звериному, /И засвистал-то ен по-соловьиному: /Подо мной конь на коленка пал, /Я на коне цють жив сижу* [20, №14]. В другой старине, когда про Добрыню пошла слава, и Илья поехал на эту славу, Илья волшебным криком стремится нанести ущерб сосредоточию могущества своего молодого потенциального соперника – дому Добрыни. *Сидит осударь на добром коне, – сообщает носитель традиции об Илье и палатах Добрыни, – Кричит-то осударь зычным голосом. /Сыра-то земля потрясалася, /С боку на бок палата сколыбалася.* То же мы видим в былине об Илье и Идолище в Царьграде: *Закричал Юльющенька вполголоса, /Во Цари-гради новы дома пошатилися, /А старые-то дома рассыпалися, /А бережия кобылы жеребилися, /Брюхаты бабы разродилися; /На Божьих церквах чудны кресты покривилися, /Проклятое чудовище у палаты грановитые /Ужаснулся да цуть обмалтался* [21, №14–15, 13].

В мезенской былине о Сокольнике, уподобляясь змею, зверю и туру, поединок с ним начинает Алёша: *Наежжал он удалого добра молодца - /Засвистел-де Олёша по-соловьиному, /Заревел-де Олёшенька по-звериному, /Зарычал же Олёшенька по-туриному, /Зашишел он, Олёшенька, по-змеиному, - /Иише едёт молодец, он не огляницэ. /Иише тут же Олёшенька прирздумалсэ - /Поворачивал Олёшенька добра коня...* Исходя из того, что его чудовищный крик и свист не возымел никакого действия, Алёша и докладывает богатырям: *Иише едёт молодець – да не моя чета, /Не моя-де чета да не моя верста!* [22, № 78].

Похоже на то, что свист и ужасный крик – оружие и Соловья, и богатыря, черпающего свою нечеловеческую мощь из хтонического мира, и Перуна. Имея же в виду бога грозы, следует отметить, что с культом этого небесного, но хтонического по своим истокам персонажа [23, с. 198–216] связан и культ быка. Гром, судя по русской загадке, – свист тура. Соловей-разбойник шипит по-змеиному и ревет по-бычьиному [24, №255, 4], что в данной связи также

легко объяснимо. Данный мотив о голосе или крике (первоначально – в подражание священному животному) является весьма архаичным.

Что же касается волков, бегущих около Тугарина, то Б.А. Рыбаков, как известно, выводил данный образ, в конечном итоге, от тюркского культа волка, связанного именно с ханской властью [25, с. 103]. Так, хан Боняк воем «переговаривался» со священным зверем, и в результате такого «общения» предсказал грядущую победу над уграми. «И яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ, отъеха от вои, и поча выти волчьскы, и волкъ отвывся ему, и начаша волци выти мнози. Бонякъ же, приехавъ, поведя Давыдови, яко: «Победа ны есть на Оугры заутра». Утром же «сбиша Оугры акы в мячь, яко се соколь сбиваетъ галице, и побегоша Оугри» [26, стб. 245–246]. Однако, учитывая культ волка у индоевропейцев вообще, и у славян в частности [27], можно несколько сместить акценты. Перед нами – скорее «встреча» «своего» и «чужого», когда между «своим» и «неисконным» находится очень много точек соприкосновения: сходные обряды, сходные представления, сходная связь между культом опасного хищного зверя и нарождающейся государственной властью. Таким образом, соединение образа владыки зверей исключительно с врагами Руси неисконно. Это оказалось возможным тогда, когда сам этот образ стал восприниматься зловещим. Как Сокольник (или дочь Ильи) приобрёл столь удивительные способности, и имела ли их его мать – об этом можно только догадываться. Сохранившийся до нашего времени эпический материал молчит. Ясно лишь, что он так или иначе связан с «хозяйкой зверей» – Бабой-Ягой. Его мать, может быть, когда-то мыслилась причастной к статусу Сокольника как «хозяйина зверей».

Мать же Сокольника, так или иначе, имеет имя, связанное с горами и золотом (*Златыгорка*). Она является или являлась в прошлом поляницей преудалой или лютой поляницей, как сказано в одной из старин. Она связана со студёным морем. Горы и золото – атрибуты иного мира. О горах в этом отношении мы писали в другом месте, а золотой цвет как признак нечеловеческих миров, а изначально мира Солнца, отметил ещё В.Я. Пропп [28, с. 363–364]. Учитывая, что и дочь Ильи борется с ним *рогатинной звериной*, всё это намекает нам на некое племя Севера, а не Юга Руси. В той же печорской старине этим оружием борется с Ильёй и сам Сокольник. В любом случае, это не аланы с их знаменитыми воительницами [29, с. 195, 202, 206, 232, 265, 280–281]. Можно, конечно, попытаться объяснить всё вышеуказанные черты забвением певцами Русского Севера южных реалий, но во всём остальном эти реалии носители традиции, надо отдать им должное, сохранили. Наконец, в былинке Т.С. Дуркина из Усть-Цильмы, записанной Н.П. Колпаковой в 1955 г., мы видим своеобразный «ключ» к образу Сокольника и его матери. Здесь она прямо названа *Золотой горкой*. Илья же и его

сын, подобно Добрыне и Змее из разобранного выше текста из той же Усть-Цильмы, не могут ранить друг друга, ибо оружие сгорает в их руках. «Ослабленный» вариант того же мотива мы видим и в другой печорской былинке [30, №79, 73].

Итак, Сокольник – сын Горы иного мира, состоящей из металла иного мира – золота. Таким образом, этот герой стоит в ряду иных персонажей культуры индоевропейских народов, подобный осетинскому Сослану [31, №30–33]. Это Великая Мать, которая воспринималась и как богиня жизни, и как богиня смерти. В русских сказках она живёт в лесной избушке или в скалах, является матерью девятиглавого змея и ударом бича или прутика превращает людей, зверей и птиц в камень или деревья. Вторичным ударом их всех, наоборот, можно вызвать к жизни. Если ударить бичом саму «богиню смерти», к которой восходит данный сказочный образ, она рассыпается [32, №17–18]. Таким образом, Великая Мать путём определённого обряда осуществляет «круговорот» живых существ, т.е. изменяет их облик. Камни, которые также мыслятся живыми, деревья, звери, птицы, люди, – это лишь временные воплощения «зародышей». Великая Мать здесь сама каменная, это та же самая Мать-Скала, хеттск. *peruna* [33, с. 10] и сканд. *Fjörgyn*, мать бога грозы северных германцев Тора, поэтому при ударе она и рассыпается. Если исходить из подобных представлений, то легко понять и образ людей-каменей русского эпоса, и образы перволюдей древних скандинавов – Ясеня и Ольхи. Интересно, что в Древней Скандинавии бог грозы Тор называется по имени матери – «сын Горы» (*Fjörgynjar*) [34, бл. 3–4, 10]. Др.-исл. *Fjörgyn* связано с готск. *fairguni* «гора», а последнее – с пракельтским **percunia*. Отсюда же и название Герцингского леса: *Hercynia silva* от **ercunia* < **percunia* [35, с. 167].

Таким образом, повелитель зверей, которым считался сын Ильи, оказывается родственным и иному лику Нижнего Мира как мира вулканического огня. Иными словами, общности Ильи и Сокольника поклонялись близким божествам и имели сходные представления о мире. Мать Сокольника, судя по её имени, в истоках образа, видимо, жрица. «Скала в ритуале» связана с миром золота и со Святыми Горами, будучи изначально тождественна Великой Матери праиндоевропейского прошлого с перемежающимся обликом – то человеческим, то каменным. Судя по совокупности косвенных данных, мир Ильи и мир Златыгорки – два общества, находящиеся в отношениях ритуальной вражды – брачного обмена, причём сын после обрядового поединка наследует власть в мире отца. В свою очередь, можно сказать, что подобный обычай пришёл на смену более древним вариантам наследования власти, когда отца мог заменить не только сын, но и дочь-воительница.

Библиографический список

1. Лисюченко, И.В. Владимир Красно Солнышко и Илья Муромец / И.В. Лисюченко // ЭКО: Экология. Кругозор. Образование. – №1. – Ставрополь, 2006.
2. Астахова, А.М. Примечания / А.М. Астахова // Былины Севера. – Т. I. Мезень и Печора / записи, вступ. статья и комм. А.М. Астаховой. – М.; Л., 1938.
3. Былины и песни Южной Сибири / собрание С.И. Гуляева; под ред. В.И. Чичерова. – Новосибирск, 1952.
4. Марков, А.В. Беломорские былины / А.В. Марков. – М., 1901.
5. Былины М.С. Крюковой / записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец, вступ. ст. Р. Липец, ред. академ. Ю. Соколова. – М., 1941. – Т. II.
6. Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. – М., 1904. – Т. I.
7. Былины Севера. – Т. I: Мезень и Печора / записи, вступ. ст. и комм. А.М. Астаховой. – М.; Л., 1938.
8. Веселовский, А.Н. Южнорусские былины / А.Н. Веселовский. – СПб., 1885. – Т. III–XI.
9. Онежские былины / подбор былин и науч. ред. текстов академ. Ю.М. Соколов, подг. текстов к печати, примечания и словарь В.И. Чичерова. – М., 1948.
10. Гильфердинг, А.Ф. Онежские былины, записанные летом 1871 года / А.Ф. Гильфердинг. – М.; Л., 1938. – Т. II.
11. Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. I.
12. Толстов, С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования / С.П. Толстов. – М., 1948.
13. Добрыня Никитич и Алеша Попович : сб. былин / подг. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. – М., 1974.
14. Былины М.С. Крюковой / Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец, вступ. ст. Р. Липец, ред. и пред. академ. Ю. Соколова. – М., 1939. – Т. I.
15. Saga Ditriks af Bern. Fortælling om kong Thidrik af Bern og Hans Kæmper, I Norsk Bearbejdelse fra det trettende aarnundrede efter tydske kilder/ Udgiret af C.R. Unger. – Christiania, 1853.
16. Поэзия крестьянских праздников / вступ. ст., составление, подг. текста и примечания И.И. Земцовского; общ. ред. В.Г. Базанова. – Л., 1970.
17. Рыдзевская, Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования) / Е.А. Рыдзевская. – М., 1978.
18. Иванов В.В. Соловей-разбойник / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Мифы народов мира / гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1992. – Т. 2.
19. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII в. и их переделкам / подгот. Н.Н. Зарубин. – Л., 1932.
20. Былины новой и недавней записи / под ред. В.Ф. Миллера. – М., 1908.
21. Русские былины старой и новой записи / под ред. академ. Н.С. Тихонравова и проф. В.С. Миллера. – М., 1894.
22. Былины : в 25 т. – Т. 3: Былины Мезени / отв. ред. тома А.А. Горелов. – СПб.; М., 2001.
23. Лисюченко, И.В. Миф, ритуал и власть у восточных славян / И.В. Лисюченко. – М., 2009.
24. Фольклор Саратовской области. – Кн. 1 / сост. Т.М. Акимовой; под ред. А.П. Скафтымова. – Саратов, 1946.
25. Рыбаков, Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи / Б.А. Рыбаков. – М., 1963.
26. Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. II.
27. Иванов, Вяч.Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка / Вяч.Вс. Иванов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1975. – №5.
28. Пропп, В.Я. Морфология (волшебной сказки). Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М., 1998.
29. Плетнёва, С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) / С.А. Плетнёва. – М., 1989.
30. Былины : в 25 т. – Т. 1: Былины Печоры / гл. ред. А.А. Горелов. – СПб.; М., 2001.
31. Нарты. Осетинский героический эпос : в 3 кн. / отв. ред. У.Б. Далгат. – М., 1990. – Кн. 1
32. Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост., вступ. ст. и комм. Р.П. Матвеевой, отв. ред. Л.Е. Элиасов. – Новосибирск, 1979.
33. Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М., 1974.
34. Olsen, M. Sæmundar Edda / M. Olsen. – Oslo, 1965.
35. Сараджева, Л.А. К этимологии арм. *erkin* `небо` / Л.А. Сараджева // Этимология 1991–1993 / отв. ред. О.Н. Трубачёв. – М., 1994.